

Тот дворик медленно, неуклонно таял, исчезая в небытии. Бай Юань, окутанный призрачным сиянием, призывал последние крохи сил. Он готовился к финальной битве с пробуждающимся Небесным Царем Широкого Взора, в то время как под ногами разверзалась бездна. Земля превратилась в прах, обугленные деревья догорали, оставляя после себя лишь жуткие остовы. Раскаленная лава выплескивалась из жерла, поглощая остатки бывшего величия. Внизу, в багровом мареве, бездумно бродили уродливые порождения тьмы, вгрызаясь в плоть друг друга.

Сквозь мерцающую белизну защитной сферы Мо Ханьчи видел лишь пепелище. Повсюду царило отчаяние и нестерпимый, иссушающий жар. Сгусток ослепительного света медленно скользил вниз, к самому сердцу черного тумана — туда, где теплилась последняя надежда. Сфера, оберегавшая его, становилась всё тоньше. Бесчисленные озлобленные духи тянули к нему костлявые руки, пытаясь увлечь за собой в преисподнюю, а он лишь крепче прижимал к груди маленького Бай У.

Малыш перестал плакать. Он лишь невнятно лепетал:

— Диди... У-эр хочет к папе... Диди...

Когда преграда окончательно рассыпалась, из горла у него хлынула кровь — старые раны отозвались в теле невыносимой резью. Демоническая ци заполонила всё вокруг; Небесный Царь Широкого Взора пробуждался. Мо Ханьчи вспомнил прощальную улыбку Бай Юаня и его слова: «Береги тех, кто рядом». Он падал в кипящую лаву, не в силах призвать ни капли духовной энергии. Но даже в этот миг, слыша лишь свист ветра в ушах, он не чувствовал страха. Он должен был спасти дитя — единственное, что осталось от любви Бай Юаня и Инь Шана.

Вдалеке, там, где упал Бай Юань, раздался оглушительный рев. На краткое мгновение небо и землю пронзила ослепительная вспышка белого света, после чего всё погрузилось в зловещую тишину.

Внезапно лазурное сияние меча подхватило падающее тело. Следом мелькнули еще два клинка. Мо Ханьчи ошарашенно уставился на Ло Си, гадая, не сон ли всё это.

— Брат, дождь идет...

Мо Ханьчи опустил голову и увидел, как капли воды падают на пухлую щеку Бай У. Су Цзии поспешно забрала ребенка, не в силах сдержать рыданий. Ло Си замер, глядя на Мо Ханьчи, словно не веря собственным глазам. А тот, хоть и не чувствовал ничего, кроме пустоты, не мог остановить слез. Они сами катились по щекам, пропитывая одежды Ло Си.

— Я не хочу плакать... правда не хочу... но не могу остановиться, — губы Мо Ханьчи дрогнули,

слова горьким комом застряли в горле. Его душило бессилие. Он ничем не смог помочь Бай Юаню. Он веками хранил этот покой и любил всем сердцем, но был вынужден нанести смертельный удар. Почему Бай Юань не ушел, когда была возможность? Почему выбрал этот бой и оставил после себя лишь ребенка?

— Я не понимаю... совсем не понимаю... — шептал он, почти теряя рассудок.

Ло Си, отбросив привычную сдержанность, крепко обнял его:

— Тебе и не нужно понимать. Не мучай себя. Я стану сильнее, намного сильнее. Я за всё отвечу. Отныне я твоя опора.

Мо Ханьчи словно очнулся.

— Твоя месть... мы свершим её вместе. Я сделаю так, чтобы ни ты, ни Цзии, ни Бай У, ни Сяо Саньцзы больше никогда не теряли близких.

Лэн Ушуан нахмурился.

***

Над Столицей демонов сгустились тучи. Пурпурная молния расколола небосвод, на миг осветив суровый профиль Юло Минвана и придав его кроваво-рыжим волосам мертвенно-синий оттенок. Он смотрел с холодным блеском, подобным лезвию древнего меча.

— Тебе бы радоваться, чего же ты такой мрачный? — Хуа Шуин, покачивая бедрами, подошёл к нему. Его алые одежды волочились по полу, а в каждом движении сквозило врожденное кокетство. — Опять о своем ученике думаешь? Раз так хочешь — пойди и заведи его.

— Бай Юань мертв, — глухо произнес Юло Минван.

— Значит, Фэн Юэ будет убит горем, — вздохнул Хуа Шуин.

— Фэн Юэ ничего не вспомнит, а значит, и горевать не станет. Другое дело — Инь Шан. Несколько лет он притворялся беспомощным смертным, ради Бай Юаня был готов скрестить мечи с самим Императором... И каков итог? Получил клинок в сердце от того, кого любил. А чтобы не вернулся к жизни, его еще и запечатали. Кто здесь небожитель, а кто демон? Кто разглядит истину? — Юло Минван почувствовал приближение яростной ауры Небесного Царя Широкого Взора и горько усмехнулся. — Тот давний спор... он проиграл.

— Что за спор?

— Пойдем, сама увидишь, — ответил он.

Его фигура растаяла в тенях. Юло Минван уже давно не нуждался в мечях или артефактах для полета — он ступал по грозovým облакам так же уверенно, как по твердой земле.

— Хуа Цзян! — позвал Хуа Шуин. Перед ним мгновенно возник огненный цилиндр. Вскочив на него, глава дворца устремился следом.

На горизонте бушевало черное пламя. Окруженный стонущими призраками, к ним несся Инь Шан. Гнев его был подобен извержению вулкана. Голос гремел задолго до того, как показался сам хозяин:

— Мать вашу! Я перережу всех этих вонючих даосов до единого! Старый безумец, где твоя ледяная постель?!

Юло Минван помрачнел, позволяя облакам расступиться. Это прозвище приклеилось к нему еще в те времена, когда он был великим старейшиной Куньлуня по имени Фэнъюнь-цзы. Инь Шан — огромный, неотесанный, привыкший идти напролом — никогда не смыслил в тонкостях интриг. Он просто рубил с плеча, но за своих стоял горой. Говорили, когда-то он был простым пастухом и спас жизнь прежнему Демоническому Почтенному. Когда «праведники» узнали об этом, они вырезали всю его семью. Вернувшись домой и увидев пепелище, Инь Шан обезумел от горя и ярости, истребил целые ордены и с тех пор стал одним из четырех Небесных Царей. Он ненавидел лицемерие праведных путей, но умудрился свести дружбу с падшим Фэнъюнь-цзы.

Сейчас он ворвался в залы Дворца Погибели Мрачного Неба, готовый разнести его по кирпичику. Юло Минван не пытался его остановить. Он видел, что Инь Шан бережно, почти благоговейно прижимает к себе бездыханное тело. Как бы тот ни бесновался, Бай Юань оставался неподвижен. Владыка демонов знал: всё кончено. Бай Юань должен был уйти еще двадцать лет назад. Эти тринадцать лет жизни были лишь подарком, купленным ценой жизненных сил самого Инь Шана.

— Где кровать из тысячелетнего льда?! — снова прорычал Инь Шан. На его груди всё еще зияла страшная рана от печати, и хоть она затянулась, шрам остался навсегда.

— Ты ведь больше всего на свете ненавидел предательство. Бай Юань мертв, и это его выбор, — холодно заметил Юло Минван.

— Заткнись! Я дождусь, когда вернется наш ребенок, и мы уйдем. Скроемся в лесах, забудем о мире. Я обещал ему: больше ни одной капли крови. Хоть в монахи подамся, лишь бы он был рядом! Больше не стану принуждать. Пусть только откроет глаза... пусть даже не смотрит на меня, пусть забудет всё... лишь бы жил!

Инь Шан опустился на колени, всё так же крепко сжимая в объятиях ледяное тело. Его ладони

были мокрыми от слез. Великий и ужасный демон плакал, как брошенное дитя. Юло Минван молча взмахнул рукавом, и тяжелые каменные двери в глубине зала медленно разошлись.

Внутри царил холод. Инь Шан бережно перенес Бай Юаня на ложе из призрачного льда. Немного успокоившись, он начал гладить его белоснежные волосы. Десятилетия назад, на великом празднестве Трех Столиц, он лишь раз взглянул на него — и пропал навсегда. Полюбил того, кто следовал тенью за Молодым господином Цитрой. Ведь белые цилини — самые редкие создания в подлунном мире.

Инь Шан огляделся. Вокруг были лишь голые синие скалы. Он коснулся земли кончиками пальцев, и от его руки поползла живая зелень. Зацвели пестрые бутоны, изумрудные лозы оплели ледяное ложе, распустились нежные цветы жимолости. Иллюзия ширилась, заполняя зал: вдали зацвел персиковый сад, укрывая розовой дымкой маленькую беседку. В беседке стоял каменный стол и белый гуцинь.

— Знакомое место, — негромко произнес Юло Минван. В своих черных доспехах посреди этого цветущего сада он казался чужаком.

— Бай Юань любил его больше всего, — тихо отозвался Инь Шан, не отходя от постели.

— Значит, именно его он помнил лучше всего, — усмехнулся Владыка демонов. Он подошел к павильону и хотел коснуться струн, но рука прошла сквозь пустоту. Иллюзия была хрупкой. Он невесело рассмеялся, сел на возникшую из воздуха скамью, и воздух наполнился ароматом цветов и пением птиц. На миг время повернуло вспять. Юло Минван словно увидел своего ученика, ведущего за руку маленького златовласого ребенка.

«Учитель, учитель...»

Юло Минван глубоко вздохнул и в следующий миг с яростью обрушил кулак на каменный стол. Дворец содрогнулся, по полу пробежала глубокая трещина. Иллюзия рассыпалась в прах. Инь Шан мгновенно оказался рядом, перехватывая его руку:

— Не смей тревожить его покой!

— Пытаясь удержать его душу ледяными оковами, ты только вредишь ему! Он не сможет переродиться!

— Я лишь хочу, чтобы в один прекрасный день мы ушли в круг перерождений вместе. И в следующей жизни я не буду демоном, а он не будет цилинем. Мы станем парой вольных птиц. Говорят, те, кто перерождается вместе, больше никогда не разлучаются.

Юло Минван лишь горько усмехнулся. Кто из них был безумнее в своем ослеплении — он и сам не знал.

<http://bllate.org/book/17550/1713069>